

«Аввакум»

11.932
М.А.А.А.
МХТ

ПОВОДЫРИ И ПОВОДЬЯ

Спектакль Владимира МАЛЯГИНА и Николая ПЕНЬКОВА
«Аввакум» в Московском Художественном театре/

Ренб. - 1993 - 74-20 февр. - с. 8

Театр политический внешне нынче куда как смешней драматического... Но между ними — обратно пропорциональная зависимость. Чем циничнее, бесстыжнее пераый, тем духовнее и нравственнее становится второй. Последнее десятилетие — гесьма наглядное тому подтверждение. Власть наигравшихся перестроечной конъюнктурой — про сталинов, бориев, проститутток и педерастов, коллективы дружно взялись за классику и историю. Опомнились. «Вперед к Островскому, Достоевскому, Чехову!» — ибо там ответы, там чувства, драмы и трагедии сегодняшнего дня. С этим, я убежден, будет связано и возвращение зрителя — в силу его стремления очиститься от сквернословия политических истуканов, кукольных лидеров, ряженных и скоморохов всех мастей. Бесстылые, пятнистые, картавые, Богом меченые и проклятые, они изнзиловали душу народа своим плоскоязычным политиканством. Их рейтинг давно уже определяется единственным цензурным для таких случаев выражением «Изыди, зстані!».

В этом контексте появление на сцене Московского Художественного театра спектакля драматурга Владимира Малягина и режиссера Николая Пенькова «Аввакум» представляется мне событием весьма знаменательным, значительным и пророческим. На смену театру политическому — спектаклю С. Кургина на «Пастырь» по пьесе М. Булгакова, предыдущей премьеры МХТ, пришел театр, углавший трагедию нынешнего духовного, нравственного раскола, творимой, созидаемой в России, развещающей ереси самолюбий и эгоизма.

В истории XVII века, в жизни и борьбе обитателей и узников, затворников, староверов Пустозерска, где провели свои последние годы сподвижники протопопа Аввакума, театр открыл драму человеческих страстей, нравственного максимализма. Создатели спектакля тактично обошлись с тонкостями и деталями собственно богословского спора никонианцев и староверов, обратившись прежде всего к исследованию трагедии личности, взявшей на себя весь груз нравственной ответственности за непоколебимость собственных убеждений.

Неистовость, одержимость Аввакума (В. Ровинский) ведет его к духовному краху и приводит к тупице одиночества. Вместе с актером режиссер Николай Пеньков — он же исполнитель роли Лазаря, главного искушителя и оппонента Аввакума, — шаг за шагом прослеживает драму испепеляющей, самоистязательной веры, приводящей к разрушению личности и духовного мира: «Все надо из ряда вон: ежели грешник — так все первый».

Исключительность стирает нравственные грани. Поэтому Аввакум остается в одиночестве, беспощадный к себе и жестокый к своим единомышленникам, сподвижникам, сочувствующим. В спектакле МХТ непримиримый спор староверов и никонианцев обретает злоеший, «дьявольский» смысл. Не сбылось пророчество о пришествии на землю Антихриста — несмотря на все проклятия Никон умер своей смертью, трое суток русский люд прощался с ним, и вышло, что борьба самолюбий заслонила судьбу России.

Эволюция нравственного крушения оказалась в фокусе спектакля: от смиренного, подчас даже сочувственного отношения к никонианцам, впадшим в ересь, до богохульства и безумной жестокости. Аввакум нисколько не сомневается в своих убеждениях, оправдывает свой максимализм: «Да разве стоило из-за тех описок в смуту отвергать? Русский человек без веры — равно и не русский! Он, Никон, у России веру отнял, он нас лишил нашей крепости вековой». Слово даже сожалел, что разошлись их пути-дороги из-за «описок», он тем не менее не находит в себе силы смирить гордыню, что первый не он, патриарх Всея Руси, в его землях — Никон. В финале спектакля, когда даже самые последовательные единоверцы ужасаются

вслух заданному вопросу «Зачем других верных в огонь посылали?», Аввакум окончательно повержен и раздавлен собственной беспощадностью.

В пьесе, написанной пять лет назад, в постановке МХТ нет никаких аллюзий и прямых аналогий, и тем не менее драматизм истории хорошо узнаваем. Уже слишком велико сегодня искушение быть пророком в своем Отечестве. Иные поводьры так уверовали в собственную непогрешимость, что своими куциями поводьями во что бы то ни стало стремятся взять в полон миллионы людей.

Но раскол и смута тем и хороши, что вокруг кумиров всегда выются неистовые поклонники и резнители. А это уже бесовское искушение — соратники не те, что в рот смотрят, а те, кто с собственными убеждениями единым фронтом выступает за единоверие православных — основу державы. Здесь начинаются нравственные испытания принципов: поступиться ими ради единства народа или же раскрошить, раздробить все во имя личной власти? Какова мера этой духовной ответственности лидеров, требующих жертв и столь же максималистского служения идее? Спектакль отвечает: высочайшая. И имя ей — Россия.

Б. ПЕТРОВ

Сцена из спектакля «Аввакум»

Фото А. ПОТАПОВА